

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. НИЗАМИ

КАФЕДРА РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Курсовая работа

по предмету: «Современный литературный процесс»

на тему: «Своеобразие рассказов Виктора Пелевина»

Выполнила: студентка 401-РТ группы Мауленова А.

Научный руководитель: Морозова Ю.В.

Ташкент-2013

План:

Введение.....3

Глава 1. Художественный стиль Виктора Пелевина.....

1.1. Элементы постмодернизма и эклектики в произведениях Виктора Пелевина...

Глава 2. Своеобразие рассказов Виктора Пелевина

2.1. Сюрреализм в рассказе «Спи».....

2.2. Черты постмодернизма в рассказе «Ника».....

Заключение.....22

Список использованной литературы.....

Введение

Виктор Олегович Пелевин с момента своего появления в отечественной литературе был назван фигурой загадочной. Определение это в равной степени относилось и относится до сих пор, как к творчеству молодого прозаика, так и к самой личности Пелевина. Он до сих пор не дал ни одного интервью в обычном понимании этого слова – исключения составляют только транслиты его форумов в сети Интернет и нечастое участие в телефонных блиц-опросах. Хотя Пелевин известен читающей публике более десяти лет, фотографические изображения его, появлявшиеся в прессе, немногочисленны. Проблемы возникали даже с установлением года рождения Виктора Пелевина – дата варьируется в разных источниках от 1960 до 1970-го годов. Пожалуй, наиболее полно и достоверно биография писателя представлена в статье Дмитрия Быкова, опубликованной в подборке материалов о жизни и творчестве В. Пелевина в журнале «Огонек» (№ 17, 17 мая 1999)¹.

Виктор Олегович Пелевин (родился в 1962, по некоторым источникам в 1967 году), «ясное солнышко нашей литературы»², является одним из наиболее ярких и читаемых писателей последнего десятилетия. После окончания Московского энергетического института и Литинститута Пелевин в течение нескольких лет был сотрудником журнала «Наука и религия», где готовил публикации по восточному мистицизму, философия которого затем отразилась в его творчестве. Первое его опубликованное произведение — сказка «Колдун Игнат и люди» (1989).

Пелевин — лауреат многих литературных премий: «Золотой шар» (1990 — «Затворник и Шестипалый»); «Великое Кольцо» (1990 — «Реконструктор»; 1991 — «Принц Госплана»; 1993 — «Бубен верхнего мира»); Малая Буковская премия (1992 — сборник «Синий фонарь»); «Бронзовая улитка» (1993 — «Омон Ра»); премия «Интерпресскона» (1993 — «Омон Ра»; 1993 — «Принц Госплана»); «Странник» (1995 — эссе «Зомбификация»). Большинство критиков относят

---

¹ Наука и религия. – 1989. - № 12. – стр. 29.

² Курицын В. Группа продленного дня// Пелевин В. Жизнь насекомых. — М.: Вагриус, 1999, стр.20

Пелевина к постмодернистской школе: «постмодернистской ориентации Пелевин не скрывает, а наоборот, настаивает на ней»³.

Так как писатель он нынче модный и даже культовый, критиковать Пелевина стараются все. «Писать о Пелевине может доставить истинное удовольствие любому рецензенту, критику, литературоведу или эссеисту. Нет, наверное, сегодня более цельного писателя, все творчество которого легко структурируется и разлагается на легко анализируемые, но в то же время будящие мысль конструкции. Пелевин как будто специально пишет для последующего анализа его произведений рецензентами»⁴.

Однако большой работы, монографии о творчестве Пелевина пока нет, и все написанное когда-либо на эту тему — это, в основном, газетные статьи: публикации в «Огоньке» (А. Вяльцев, С. Кузнецов, Б. Минаев), в журнале «Знамя» (А. Генис, К. Степанян, Л. Филиппов), в «Литературной газете» (Р. Арбитман, П. Басинский) и другие. Наиболее примечательные из негативных рецензий — «Как бы типа по жизни» А. Немзера и «Из жизни отечественных кактусов» П. Басинского. Первый критик называет Пелевина труднопроизносимым словом «бестселлермахер», ссылаясь, видимо, на пелевинскую популярность и подчеркивая, на наш взгляд, тем самым непопулярность собственную. А Павел Басинский, столь мастерски осмеянный Пелевиным в «Generation П» под именем Павла Басинского, заявляет: «Сам по себе Пелевин с грошовым изобретательским талантом, с натужными «придумками»... не стоит и ломаного яйца»⁵ — тоже, видимо, обиделся на собственное незапланированное появление в невыгодном контексте⁶.

Еще один критик, А. Долин, вероятно, так и не определивший окончательно своего отношения к роману Пелевина «Generation П», автор уже пяти рецензий на этот роман. В одной из них он пишет о писателе следующее: «Пелевин создал новую культуру и почти новую религию». В другой рецензии — прямо противоположное:

---

³ Ульянов С. Пелевин и Пустота. — Русский Журнал. 13 апреля, 1998

⁴ Фрумкин К. Эпоха Пелевина. — <http://kulturolog.narod.ru/pelevin.htm>

⁵ Басинский П. Из жизни отечественных кактусов. — Литературная газета, 29 мая, 1996

⁶ Ксения Макеева. Творчество Виктора Пелевина. Стр.2

«В этом — весь Пелевин: не умея создать самостоятельный художественный мир, он смеется над остальными, придумывая окончательно нелепые, даже не смешные пастиши на разные темы»⁷. Все это еще раз подчеркивает неоднозначность, неодноплановость творчества Пелевина. Мы же, в нашем исследовании попытаемся раскрыть своеобразие рассказов Пелевина, тем самым приоткрывая завесу творчества писателя с нашей точки зрения.

Актуальность нашего исследования, обусловлено задачей, нерешенной обществом, которое долгое время ведет споры о сути творчества писателя Виктора Пелевина

Новизна нашего исследования состоит в том, что вокруг творчества писателя бушуют разные мнения, а мы попытаемся выявить свою точку зрения, которая может послужить мостом к пониманию его творчества

Цель работы: Цель данной работы - выявить своеобразие рассказов Виктора Пелевина

Задачи исследования:

- 1.1. Познакомиться с творчеством писателя Виктора Пелевина
- 1.2. Выявить художественный стиль Виктора Пелевина
- 1.3. Выявить своеобразие рассказов Виктора Пелевина
- 1.4. Выявить общую идею рассказов писателя

Объектом исследования данной работы является творчество писателя Виктора Пелевина

Предметом исследования в данной работе являются рассказы Виктора Пелевина

Структура работы: Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

---

⁷ Долин А. Виктор — левин: новый роман. — Русский Журнал, 1998

Глава 1. Художественный стиль Виктора Пелевина

1.1. Элементы постмодернизма и эклектики в произведениях Виктора Пелевина

Несмотря на то, что споры о сути творчества Виктора Пелевина ведутся до сих пор, какие-то отдельные стороны его писательской манеры письма все же выявлены, и получили общественное признание. Литературные критики выявили элементы постмодернизма и эклектики в произведениях Виктора Пелевина.

«В конце восьмидесятых Виктор Пелевин стал известен как фантаст; его рассказы появлялись в сборниках и в журнале «Химия и жизнь», где в то время был лучший раздел фантастики», - вспоминает литературовед Сергей Кузнецов в своем очерке о жизни и творчестве писателя «Виктор Пелевин. Тот, кто управляет этим миром», – Известность молодого прозаика не выходила за пределы поклонников этого жанра, хотя ни к так называемой «научной фантастике», ни к фэнтэзи (Толкиен, Желязны и т.д.) его рассказы, строго говоря, не относились. В результате первый сборник рассказов «Синий фонарь» остался поначалу незамечен серьезной критикой. Перелом наступил после появления в журнале «Знамя» повести «Омон Ра», в которой вся история советской космонавтики представлена как грандиозное и кровавое надувательство, ...злая сатира на тотальный обман советской пропаганды, и лишь немногие обратили внимание на неожиданный солипсистский финал «Омона Ра», в котором выясняется, что ...все это происходило только в сознании обреченных на смерть космонавтов»⁸.

После появления «Омон Ра» Виктора Пелевина, на глазах литературной общественности «выросшего» из фанатастики, с рядом разногласий прописали «по ведомству» постмодернизма. «Все шло хорошо, пока Пелевин творил (в числе многих) в ключе постмодернизма. Это был не убогий шутовской постмодернизм, а стильный, точный и яркий, да еще с "правильным" разоблачительным уклоном, как могло показаться по "Омону Ра". Пелевин занял вполне достойное место в отечественной литературе. Ведь поскольку в своем творчестве Пелевин не

---

⁸ Кузнецов С. Тот, кто управляет этим миром. //www.com // www.cdru.com/kuznet/

занимался развенчиванием традиционного "реалистического" направления, то и литераторы-традиционалисты относились к нему нейтрально, как к явлению вполне допустимого параллельного мира с неевклидовой геометрией. Ведь оставаясь в рамках "чистого" постмодернизма, Пелевин не покушался тем самым на главные святыни "реалистов" -- "духовность"...»⁹ – это цитата из «Записок идеалиста» Андрея Маргулева, где автор рассуждает о причинах неприятия представителями «старой» литературной школы прозы Пелевина.

Эту мысль о синтетической природе творчества Виктора Пелевина, в котором невозможно выделить тяготение к той или иной традиционной литературной «программе», продолжает ряд исследователей.

«Формально Пелевин постмодернист, и постмодернист классический, - таково мнение профессора Сергея Корнева, одного из крупнейших российских теоретиков искусства постмодерна, - Не только с точки зрения формы, но и по содержанию – так кажется с первого взгляда. Пока на одном конце континента ведутся споры о том, надолго ли постмодернизм, и придет ли когда-нибудь что-то ему на смену, на другом его конце, зараженном радиоактивными, химическими и идеологическими отходами, он внезапно претерпел чудовищную мутацию. Появился монстр, который парадоксальным образом сочетает в себе все формальные признаки постмодернистской литературной продукции, на сто процентов использует свойственный ей разрушительный потенциал, в котором ничего не осталось от ее расслабляющей скептической философии» – отмечает Корнев в своей статье «Столкновение пустот. Может ли постмодернизм быть русским и классическим?»¹⁰.

Корнев предлагает принципиально новый путь рассмотрения творчества Пелевина. Он называет его «классическим писателем-идеологом» и не простым, а «беспросветным, который каждой своей строчкой настойчиво и откровенно вдальбливает в читательскую голову одну и ту же морально-метафизическую

---

⁹ Маргулев А. Дневник идеалиста. – Выпуск 2. //www.ru/ www.margulev.mccme.rssi.ru

¹⁰ Новое литературное обозрение. – 1997. – №28. – стр. 248.

теорию»¹¹. Как считает профессор, Пелевин занял в русской литературе вакантную нишу Борхеса, Кортасара и Кастанеды, написав «Чапаева и Пустоту» - первый образчик русской философской прозы, простой для восприятия и обладающей концентрированным содержанием. Фундаментальное отличие Виктора Пелевина от коллег-постмодернистов, по мнению Корнева, заключается в его уверенности и специфической решительности. «Настоящий постмодернист использует форму ...стеба...потому что по большому счету сам не уверен – смеяться ли ему над некой идеей или пасть на колени и помолиться. Пелевин же использует ее для откровенной проповеди»¹².

Как говорит Корнев, «программа Пелевина» радикально отличается от обычных постмодернистских решений, он претендует на ту «суверенную внутреннюю территорию» человека, которой для постмодернистов не существует¹³. «Это собственное внутреннее место Пелевин и дзен-буддисты называют Пустотой. Отождествление с нею...и есть конечная цель». Уникальность пелевинского метода, как утверждает Корнев, в том, что он противостоит не только канонам постмодернизма, но и всей западной философской традиции последних полутора столетий.

Автор «Столкновения пустот» предлагает «удобства ради» именовать «пелевинскую школу» «русским классическим пострефлексивным постмодернизмом» (сокращенно РКПП) (пострефлексивный – чтобы смягчить отрицательное содержание, нагружающее термин «постмодернизм»). В качестве одного из доказательств легитимности своей теории Корнев приводит цитату из несуществующего учебника: «Зачинателем этой школы (РКПП) был Венедикт Ерофеев, ее наиболее яркие представители в 80-90-е годы прошлого века – Сергей

---

¹¹ Сергей Корнев ссылается на М. Е. Салтыкова-Щедрина, который говорил, что «литература и идеология – одно и то же».

¹² Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? // Новое литературное обозрение. – 1997. – №28. – стр. 250.

¹³ Сравните у М. Бахтина: «У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» (Бахтин М. М. Проблемы творчества и поэтики Достоевского. – Киев: 1994.

Курехин и Виктор Пелевин. В последнем она обрела свое истинное, неповторимое лицо».

Разработки профессора Корнева относительно РКПП – только одна из теорий о сущности творческого метода Виктора Пелевина. В этой работе они приводятся исключительно по причине своей обоснованности и показательности.

Тем не менее, тенденция причисления Пелевина к постмодернистам на данном этапе изучения его творчества достаточно сильна.

На надежность такого рода классифицирования указывает ряд формальных признаков, в числе которых – обнаружение в текстах Пелевина основных составляющих постмодернистского произведения. Главными понятиями, которыми оперируют сторонники этого литературного направления¹⁴, считаются: «интертекстуальность», «пародийный модус повествования» (пастиш), «дискретность», «двойное кодирование», «метод коллажа», «метарассказ». Примеры использования этих приемов в изобилии обнаруживаются в произведениях Виктора Пелевина. «О виртуозной пелевинской игре высокими и низкими смыслами, сюжетами мировой философской мысли и клише обывательско-интеллигентского сознания, персонажами из анекдотов и архетипами мировой культуры, их взаимном перетекании, раздвоении и т.п. говорить не буду – те, кто читал, уже насладились этим, а нечитавшим передать невозможно, - пишет критик Карен Симонян о романе «Чапаев и Пустота» в статье «Реализм как спасение от снов»¹⁵. Сергей Корнев обнаружил еще одну исторически-культурную параллель, вычленил еще один «вечный сюжет» из структуры пелевинского романа: «Пелевин сделал с Чапаевым то же самое, что суфии с Ходжой Насреддином. Он взял комического героя народного фольклора и «нашел» в примитивных и пошловатых анекдотах некую глубинную мистическую суть. Нужна особенная отвага, чтобы вложить свою

---

¹⁴ Термины приводятся по монографии: Ильин И.И. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М.:1996.

¹⁵ Степанян К. Реализм как спасение от снов. Знамя. 1996. - №11. - стр. 195.

выстраданную идею в уста откровенно пародийному персонажу...»¹⁶. Излюбленный постмодернистами принцип коллажа, наслаения смысловых планов, обнаруживает в произведениях Виктора Пелевина Александр Генис, посвятивший этому писателю отдельную радиопередачу из цикла бесед о русской литературе. Генис, в частности, отмечает особую дискретность прозы Пелевина, приводящую, как ни парадоксально, не к раздробленности, энтропийности формы, а ее монолитности и строгости: «В поздних фильмах Феллини самое интересное происходит в глубине кадра - действия на переднем и заднем плане развиваются независимо друг от друга. Так, в фильме "Джинджер и Фред" трогательный сюжет разворачивается на фоне специально придуманных режиссером безумных рекламных плакатов, мимо которых, их не замечая, проходят герои.

К такому же приему, требующему от читателя повышенной alertности, прибегает и Виктор Пелевин. Важная странность его прозы заключается в том, что он упрямо вытесняет на повествовательную периферию центральную "идею", концептуальную квинтэссенцию своих сочинений. Обо всем по-настоящему серьезном здесь говорится вскользь. Глубинный смысл происходящего раскрывается всегда неожиданно, якобы невпопад.

Информационный мир у Пелевина устроен таким образом, что чем меньше доверия вызывает источник сообщения, тем оно глубокомысленнее. Объясняется это тем, что вместо обычных причинно-следственных связей тут царит синхронический, как назвал его Юнг¹⁷, принцип. Согласно ему явления соединены не последовательно, а параллельно. В таком единовременном мире не объяснимые наукой совпадения не случайны, а закономерны.

---

¹⁶ Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? // Новое литературное обозрение. – 1997. – №28. – стр. 250

¹⁷ В романе «Чапаев и Пустота» действует довольно остроумный гибрид швейцарского психолога Карла Густава Юнга и профашистского барона Унгерна – барон фон Юнгерн.

Пелевин использует синхронический принцип, чтобы истребить случай как класс. В его тексте не остается ничего постороннего»¹⁸. Прения по поводу того, к какому литературному «ведомству» стоит причислить Пелевина, хотелось бы завершить двумя цитатами из виртуального «Русского журнала» (www.russ.ru).

А. Минкевич: «...Он легко и с огромным удовольствием читается. Читается, как анекдот. Его хочется цитировать и посылать друзьям по электронной почте. Пелевин многослоен, как капуста. У него есть лист для любителя анекдотов, лист для ненавистников рекламы, лист для любителей фантастики, лист для любителей детектива, боевика, наркоромана, астральных путешествий. Идеи, религии, мифы, символы, двойной, тройной, четверной смысл...

Все как в хорошем, крепком постмодернистском произведении. Каждый может унести ровно столько, сколько способен понять».

А. Долин: «В свое время Умберто Эко, говоря об идеальном постмодернистском произведении, называл в качестве одного из его неизбежных и необходимых качеств «многослойность». Другими словами, разным категориям читателей должно быть одинаково интересно читать эту книгу. Пелевин – один из первых, кому удалось воплотить мечту современной литературы в жизнь. «Чапаев и Пустота» – роман-притча, соединивший в себе черты восточных учений, исконно русских фольклорных представлений (анекдоты) и новорусского быта; эту книгу читали и перечитывали, опустошая книжные прилавки, и интеллектуалы, и компьютерная молодежь, и потерянные пожилые шестидесятники... И невозможное свершилось: книга (не любая, увы, именно эта) вновь, впервые за долгие годы превратилась в коммерчески полноценный продукт».

Итак, подводя итог приведенным выше высказываниям, отметим: недоумение и смешанное отношение современной русской критики к творчеству Виктора Пелевина является продуктом неожиданного его появления. У него нет явных

---

¹⁸ Генис А. Беседа десятая: Поле чудес. Виктор Пелевин // Звезда. – 1997. - №12. – стр. 232.

предшественников (подробнее этот вопрос будет рассмотрен в последней главе), поэтому его возникновение на литературной сцене не прогнозировалось. Все пытались, но мало кто из критиков сказал вслух, что Виктор Пелевин стал первым представителем относительно «высокой» литературы с коммерческим уклоном. Как считает уже цитированный А. Долин, многослойность литературы является тонко просчитанным коммерческим приемом. Но, стоит заметить, бестселлер бестселлеру рознь. Видимо, именно поэтому в большей своей части литературные критики не столько внимания уделяют анализу непосредственно художественных достоинств произведений Пелевина, их поэтике, сколько интересуются «технологией» их создания. Слово достаточно новое для российской науки о литературе, поэтому критикам и литературоведам еще только предстоит выработать метод исследования этого понятия.

Открытым остается вопрос и о направлении, избранном Пелевиным. Как мы только что убедились, для него тесноваты рамки жанра как фантастического, так и постмодернистского. В этом заключается уникальность данного момента – скорее всего, вопрос решится тогда, когда у Пелевина появятся литературные «потомки», творчество которых поставит все на свои места, и даст ответы на многие вопросы, на объективное решение которых сегодня полагаться вряд ли можно. Именно тогда можно будет вести речь об отдельном «направлении», «школе», представленной пелевинской прозой¹⁹.

---

¹⁹ Кулакова Ольга Александровна. Творчество Виктора Пелевина в литературной критике. Стр. 11

Глава 2. Своеобразие рассказов Виктора Пелевина

Тематика рассказов Пелевина разнообразна: многие мифологические сюжеты писатель реанимирует на современном отечественном материале²⁰. Все произведения Виктора Пелевина отображают сочетания реальностей, миров, внешних оболочек, его интересует ситуация их пересечения, жизнь «на стыке» или нечто запредельное: «Меня не столько интересует формальный диагноз, сколько та внутренняя причина, по которой человек выпадает из своей нормальной социально-психической ниши... Вы как раз принадлежите к тому поколению, которое было запрограммировано на жизнь в одной социально-культурной парадигме, а оказалось в совершенно другой... Одни люди оказываются в силах начать новую жизнь... а другие так и остаются выяснять несуществующие отношения с тенями угасшего мира»²¹.

2.1. Тема сюрреализма в рассказе «Спи»

В данном рассказе главный герой Никита Сонечкин стал замечать, что он засыпает на лекциях по философии. Приглядевшись к товарищам, он понял, что они тоже спят и что спит даже сам лектор. Постепенно состояние сна Никиты распространилось на все места, где он находился. Оказалось, что люди вокруг тоже всегда спят и видят свои сны. Так было проще всем, просыпаться было опасно. Но в один момент Никита захотел узнать, что же видят другие. В этих условиях, вопрос о том, что кому снится, был сумасшествием, и попытка Никиты узнать о снах других оказалась безуспешной. Рассказ заканчивается тем, что главный герой так и не смог в течение своей жизни узнать о сновидениях окружающих и смирился с этим, продолжая так же спать.

Метод, который использовал в написании данного произведения Виктор Пелевин, я отнесла к сюрреализму. Сюрреализм – одно из направлений модернизма, в котором совмещаются сон и реальность, образуя новую сверхреальность.

---

²⁰ Сергей Некрасов Субъективные заметки о прозе Виктора Пелевина. Стр.2

²¹ Пелевин В. Чапаев и Пустота. — М.: Вагриус, 1996, стр.46

Сюрреализм выражал идею существования за пределами реального, особенно важную роль здесь приобретают абсурд, бессознательное, сны, грезы.

Пелевин в своем рассказе описывает жизнь героев, их действия как состояние сна: «Он заметил, что все чаще засыпает неожиданно, не отдав себе в этом отчета. Только проснувшись он понимал, что, например, приезд к ним в институт товарища Луначарского на тройке вороных с бубенцами – не часть идеологической программы, посвященной трехсотлетию первой русской балалайки (к этой дате готовилась в те дни вся страна), а обычное сновидение.» Во сне все стало для Никиты легче и проще, поэтому он быстро и легко, не задумываясь стал засыпать везде. Быть не в «сонной реальности» означало быть иным, отличным от всех человеком, тем, кого общество не принимало: «Отношения с товарищами по институту у него заметно улучшились – комсорг Сережа Фирсов, который мог во сне выпить одиннадцать кружек пива подряд, признался, что раньше все считали Никиту психом или, во всяком случае, человеком со странностями, но вот наконец выяснилось, что он вполне свой»; «Вообще, выяснилось: к какому бы роду человеческой деятельности ни пытался приспособить себя Никита, трудности существовали только до того момента, когда он засыпал, а потом, без всякого участия со своей стороны, он делал все необходимое, да так хорошо, что проснувшись удивлялся». Реально существующая действительность заменяется подсознательным.

Фамилия главного героя – Сонечкин, а тема сна отражается даже в предметах: « «Союзплодоимпорта» – стилизованный земной шарик с крупными буквами «СПИ»».

Художественная концепция сюрреализма: границы личности и мира расплылись. Нет ничего определенного, все искажается, смещается, расплывается. Мир – беспорядочная масса явлений, личность не знает, где начинается ее «Я» и где оно заканчивается, где мир, и что он такое.

В рассказе никто не говорил о том, что спит и видит сны, однако это в данной действительности считалось нормальным, никто и не хотел знать правды. Новая

реальность имела свой устоявшийся порядок, который никто не хотел менять: «Никита догадывался, в чем дело: это была не просто одна из недомолвок, а своеобразный шарнир, на котором поворачивались жизни людей, и если кто-то даже и кричал, что надо говорить всю как есть правду, то он делал это не потому, что очень уж ненавидел недомолвки, а потому, что к этому его вынуждала главная недомолвка существования».

Интуитивизм – основа творческого метода сюрреализма, утверждающего безграничную свободу воображения художника, неконтролируемость творческого процесса какими-либо логическими началами. Так же и в рассказе совмещается иллюзия и реальность. Что вызывает вопросы у главного героя, которыми он хочет поделиться: «Включаю телевизор, а там... Не знаю, что страшнее – зал или президиум. Целый час смотрел и ничего нового не увидел – только, может, пара незнакомых поз. Один в тракторе спит, другой – на орбитальной станции, третий во сне про спорт рассказывает, а эти, которые с трамплина прыгают, тоже все спят. И выходит, что поговорить мне не с кем...».

Метафоричность абсолютизируется сюрреализмом и доводится до неожиданного сопряжения несопрягаемых предметов, до капризной произвольности сопоставлений: «...то возникали три адидасовские линии от висящих над деревом проводов, то казалось, что все это – просто тени от просвеченной фонарем листвы».

У Никиты была одна возможность выйти из новой реальности, он носил с собой иголку, чтобы колоть себя всякий раз, когда захочет проснуться. Но смирившись с вечным состоянием сна вокруг, он забыл о ней и сам погрузился в сон полностью: «Что-то колело ногу. Он достал из кармана неизвестно как там оказавшуюся булавку с зеленой горошиной на конце, кинул ее в сугроб и поднял глаза. Небо в просвете между домами было высоким и чистым, и он очень удивился, различив среди мелкой звездной икры совок Большой Медведицы, – почему-то он был уверен, что тот виден только летом». Писатель против абстрактного мира цивилизации, ведь только просыпаясь, Никита видел красоту мира: «Никита шел вверх, покалывая себя в ногу и любуясь огромными, похожими на застывшие фонтаны зеленых чернил липами – он так загляделся на них, что чуть не упустил

своего первого клиента». Никакой социальной революции не нужно – нужно только отказаться от разума, логики, от привычного восприятия вещей, от неудовлетворительного, даже абсурдного, с его понимания, разграничения прекрасного и уродливого, правдивого и ложного, хорошего и плохого. Нужно отказаться от всех традиций, уничтожить все привычные представления о нормах человеческих взаимоотношений. Иначе говоря, революция должна заключаться в освобождении человека от чувств и обязанностей семейных, гражданских, классовых, от чувств справедливости, верности, долга: «Подняв ворот, он направился к метро, обдумывая завтрашний день: партсобрание, заказ с двумя батонами колбасы, звонок в Уренгой, литр водки на праздники (надо было спросить у случайных спутников по дежурству, где они брали «Особую», но теперь уже поздно), забрать Аннушку из садика, потому что жена идет к гинекологу – дура, даже тут у нее что-то не ладится, – в общем, взять у Германа Парменыча отгул на полдня за сегодняшний выход.»

Писатель совмещает в рассказе несовместимые вещи, к примеру: «архимандрит Юлиан, неприменный участник любого уважающего себя «круглого стола», выглядывал из длинного ЗиЛа с мигалкой...». Также В. Пелевин использует часто жаргонные выражения или слова, которые можно услышать, в разговорной речи, такие как: алкаши, беременная баба, вон какие хари, прилично закосел и др. Видимо для того, чтобы быть ближе к читателю и показать невысокий существующий уровень жизни, который и был описан в рассказе.

2.2 Черты постмодернизма в рассказе «Ника»

В данном рассказе главный герой рассказывает о своей любимой, Нике, к которой, несмотря ни на ее глупость, ни на отстраненность или бесчувственность, он испытывает вполне нежные чувства. Он пытается проникнуть в ее мир, понять ее мысли, снова и снова убеждаясь, что она недоступна. Он живет в своих иллюзиях, не отличая реальное от нереального, возможное от невероятного; вот что он думает о Нике: «Я ни разу не представлял ее возможной смерти. Все в ней было противоположно смыслу этого слова; она была сгущенной жизнью, как бывает

сгущенное молоко». Виктор Пелевин вводит читателя в заблуждение, при этом, не используя ни одного слова, сбивающего с толку. До последней фразы, он держит его в неведении, заставляя радоваться и печалиться вместе с главным героем, и лишь в конце произведения открывает ему глаза: «Я не чувствовал горя и был странно спокоен. Но, глядя на ее бессильно откинутый темный хвост, на ее тело, даже после смерти не потерявшее своей таинственной сиамской красоты, я знал, что, как бы ни изменилась моя жизнь, каким бы ни было мое завтра и что бы ни пришло на смену тому, что я люблю и ненавижу, я уже никогда не буду стоять у своего окна, держа на руках другую кошку».

В рассказе прослеживаются черты постмодернизма. Постмодернизм показывает хаотический сверхсложный мир, выражает иронию, неопределенность, выступает против тоталитаризма; особый тип философствования, который порождается ситуацией; часто писатель, использующий данный метод смешивает разные приемы, использующиеся в других методах, создавая, таким образом, что-то новое, то есть постмодернизм обращается к готовому, прошлому, уже состоявшемуся с целью восполнить недостаток собственного содержания.

Хаотичность и постмодернистическая чувствительность проявляется в постоянных размышлениях героя о жизни, об отношениях. Он мучает себя мыслями, пытается найти ответы, но все же мирится с тем, что имеет: «Когда я сознался себе, что, глядя в окно, она видит попросту то, что там находится, и что ее рассудок совершенно не склонен к путешествиям по прошлому и будущему, а довольствуется настоящим, я уже понимал, что имею дело не с реально существующей Никой, а с набором собственных мыслей, что передо мной, как это всегда было и будет, оказались мои представления, принявшие ее форму, а сама Ника, сидящая в полуметре от меня, недоступна, как вершина Спасской башни. И я снова ощутил на своих плечах невесомый, но невыносимый груз одиночества». Таким образом, автор показывает современного человека таким, каким он ощущает себя в этом мире – сомневающимся: «Кто знает, не обрекаем ли мы на голод детей Занзибара, уступая место в метро какой-нибудь злобной старухе? Область нашего предвидения и

ответственности слишком узка, и все причины, в конечном счете, уходят в неизвестность, к сотворению мира».

Ирония рассказа, заключенная в игре с читателем, раскрывается в последних строчках произведения. Оказывается, что человек одинок, но живет в своих иллюзиях, описывая жизнь кошки, как жизнь своей возлюбленной. Но, тем не менее, он пытается заглянуть в ее внутренний мир, хочет понять, чем же она живет: «...и мне начинало казаться, что по-настоящему красива и осмысленна именно ее простая судьба, а все, на чем я основываю собственную жизнь – просто выдумки, да еще и чужие. Одно время я мечтал узнать, что она обо мне думает, но добиваться от нее ответа было бесполезно, а дневника, который я мог бы украдкой прочесть, она не вела». В данном рассказе Виктор Пелевин описал думающего человека, постоянно размышляющего о мире. Поэтому используется много философских слов, которые показывают глубину мыслей героя: небытие, логическое умозаключение, истина, предвидение²².

---

²² Типы творчества и стиль в произведениях Виктора Пелевина. Электронный ресурс. www.allbest.ru

Заключение

В нашем исследовании мы выяснили, что Виктор Пелевин незаурядная личность, которая имеет свой особенный взгляд на мир. В творчестве писателя присутствуют разные темы. Виктор Пелевин – писатель многоплановый и необычный. Своеобразие рассказов данного писателя заключается в смешении разнообразных и несочетаемых вещей, в мировосприятии, где существуют две, и более реалий. Большинство рассказов писателя содержит элементы постмодернизма, сюрреализма и интуитивизма. Сочетание несочетаемого, нагромождение оксюморонов лишь на первый взгляд может показаться нехитрым приемом. Ведь предметом изображения здесь намеренно делается не некий вымышленный мир, а деятельность сознания по конструированию этого мира. Мультидискурсивность текста оказывается лишь инструментом по выявлению ценностной структуры сознания, организующей «картину мира» на основе разделяемых субъектом социальных практик и норм. Все рассказы писателя объединяет идея о внутренних силах человека, о возможных решениях проблем путем тщательного разбора своего «Я»: если мы будем чаще искать ответы не в других людях, а прежде всего в самих себе, тогда может оказаться, что источником неясностей и прений являемся мы сами.

Гуссерлевское понимание категориального синтеза было бы ближе Пелевину, нежели кантианское (как, впрочем, и вся феноменологическая традиция современной философии). Сочинитель различает множество тончайших моментов в деятельности сознания — те ценностные установки, указания на выделенную точку всматривания в мир, какие несет в себе риторика. Механизм письма обнажается, но не выпячивается, преподносится в постоянном переходе, скольжении, трансформации образов и приемов согласно конкретной риторической ситуации. Никакая картина мира не может быть окончательной — это всегда лишь точка зрения, взгляд некоего частного субъекта, — метафизическая рябь на поверхности пустоты.

«У меня в книгах нет героев. Там одни действующие лица», — утверждает Пелевин в одном из интервью. Демонстрация базовых конструкций сознания, через которые создается речевая картина мира, и порождает то удивительное чувство доверительной близости читателя к персонажу, с которым сталкиваются многие читатели пелевинской прозы. Но не следует принимать простоту за наивность: самого автора в тексте нет, он всякий раз скрывается за какой-нибудь маской. Любовь, дружба, божественное откровение — все это лишь языковые образы, в деконструкции которых Пелевин нигде останавливаться не намерен. Создавая россыпь субъективных реальностей, он не желает самоидентифицироваться ни с одним из ее элементов²³. В этом как мы считаем, и весь Пелевин.

---

²³ Сергей Некрасов Субъективные заметки о прозе Виктора Пелевина

Список использованной литературы

1. Басинский П. Из жизни отечественных кактусов. — Литературная газета, 29 мая, 1996
2. В романе «Чапаев и Пустота» действует довольно остроумный гибрид швейцарского психолога Карла Густава Юнга и профашистского барона Унгерна – барон фон Юнгерн.
3. Генис А. Беседа десятая: Поле чудес. Виктор Пелевин // Звезда. – 1997. - №12. – стр. 232.
4. Долин А. Виктор —левин: новый роман. — Русский Журнал, 1998
5. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? // Новое литературное обозрение. – 1997. – №28. – стр. 250.
6. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? // Новое литературное обозрение. – 1997. – №28. – стр. 250
7. Ксения Макеева. Творчество Виктора Пелевина. Стр.2
8. Кузнецов С. Тот, кто управляет этим миром. //www.com // www.cdru.com/kuznet/
9. Кулакова Ольга Александровна. Творчество Виктора Пелевина в литературной критике. Стр. 11
- 10.Курицын В. Группа продленного дня// Пелевин В. Жизнь насекомых. — М.: Вагриус, 1999, стр.20
- 11.Маргулев А. Дневник идеалиста. – Выпуск 2. //www.ru// www.margulev.mccme.rssi.ru
- 12.Наука и религия. – 1989. - № 12. – стр. 29.
- 13.Новое литературное обозрение. – 1997. – №28. – стр. 248.
- 14.Пелевин В. Чапаев и Пустота. — М.: Вагриус, 1996, стр.46
- 15.Сергей Корнев ссылается на М. Е. Салтыкова-Щедрина, который говорил, что «литература и идеология – одно и то же».
- 16.Сергей Некрасов Субъективные заметки о прозе Виктора Пелевина. Стр.2

17. Сравните у М. Бахтина: «У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» (Бахтин М. М. Проблемы творчества и поэтики Достоевского. – Киев: 1994.
18. Степанян К. Реализм как спасение от снов. Знамя. 1996. - №11. - стр. 195.
19. Термины приводятся по монографии: Ильин И.И. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М.:1996.
20. Типы творчества и стиль в произведениях Виктора Пелевина. Электронный ресурс. www.allbest.ru
21. Ульянов С. Пелевин и Пустота. — Русский Журнал. 13 апреля, 1998
22. Фрумкин К. Эпоха Пелевина. — <http://kulturolog.narod.ru/pelevin.htm>